

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. П. КРЫСИН

СЛОВО В СОВРЕМЕННЫХ
ТЕКСТАХ И СЛОВАРЯХ

*Очерки о русской лексике
и лексикографии*

Москва
2008

ББК 81.2Рус
К 85

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-04-16163

Крысин Л. П.

К 85 Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — 320 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0175-0

Книга посвящена процессам, происходящим в русском языке на рубеже XX—XXI веков. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги — это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть содержит статьи, посвященные литературной норме — ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой — с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка.

В третьей части помещены краткие заметки о словах — об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

Книга предназначена для филологов-русистов, для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов, а также для всех, кого интересует современное состояние нашего языка.

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-9551-0175-0

© Крысин Л. П., 2008

© Знак, оригинал-макет, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
«Своё» и «чужое» в современной русской лексике	
Читаю газеты	11
«Своё» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях	18
Иноязычное слово как транслятор иной культуры	36
Иноязычное слово в роли эвфемизма	45
Оценочный компонент семантики иноязычного слова	52
Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком	62
Иноязычный термин в русском просторечии	68
Словари как компонент национальной культуры	78
Проблемы представления новых иноязычных заимствований в нормативных словарях	83
Сведения о произношении иноязычного слова в толковом словаре	98
Об одной модели грамматического освоения иноязычных слов	103
Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре	106
Место энциклопедической информации в лингвистических словарях	113
Неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова	120
Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях	125
Некоторые соображения относительно насыщенности специальных терминологий англоязычными заимствованиями	133

О типах лексикографической информации в русской части русско-иноязычных словарей	138
Этностереотипы: отражение в языке представлений о «чужом» и «своём» этносе	169
<i>Литература</i>	176

Литературная норма и речевая практика

Языковая норма в проекции на современную речевую практику	185
Толерантность языковой нормы	205
Речевые «неправильности»: социолингвистический аспект изучения	210
Об одном типе нарушений синтаксической нормы	218
Лексические способы нормативного выражения смысла ‘часть целого’ в русском языке	223
Социально-стилистический анализ лексики в работах академика В. В. Виноградова	243
Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи	251
Нормативные словари как инструмент лингвистической экспертизы текста	262
Метафоры власти	273
Этимологические шутки на фоне сознательных нарушений языковой нормы	277
<i>Литература</i>	284

Краткие заметки о словах

<i>Умелец</i>	295
<i>Показуха</i>	298
<i>Детектив</i>	302
<i>Йогурт</i> или <i>йóгурт</i> ?	305
Склоняется ли слово <i>Интернет</i> ?	308
Существует ли в русском языке слово <i>имейл</i> ?	311
<i>Планёрная</i> или <i>Плáнерная</i> ?	313
О значении слова <i>миллениум</i>	315
<i>Список сокращений</i>	317

От автора

Процессы, происходящие в современном русском языке, многообразны. Это и заимствование иноязычных слов (иногда — неумеренное), и вторжение разговорной стихии в публичные формы речи, и вовлечение в литературное словоупотребление — как устное, так и письменное — лексики из социальных и профессиональных жаргонов. Эти явления требуют, во-первых, лингвистического анализа и, во-вторых, нормативной оценки. Кроме того, не очень прост вопрос о том, как должны отражаться новые явления в словарях, особенно тех, которые имеют статус нормативных.

Некоторые из этих проблем рассматриваются в предлагаемой книге. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги — это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть книги содержит статьи, посвященные литературной норме — ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой — с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка. Весьма показательна в этом отношении языковая игра, при которой происходит сознательное нарушение нормы и мобилизация всех средств, имеющихся в языковой системе, в том числе и «не

одобряемых» нормативными регламентациями (некоторые виды языковой игры рассматриваются в очерке, завершающем этот раздел).

В третьей части книги помещены краткие заметки о словах — об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

**«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ**

ЧИТАЮ ГАЗЕТЫ

Читаю газеты:

Участники *саммита* пришли к *консенсусу*..;

В *бутиках* — большой выбор одежды *прет-а-порте*...

То и дело мелькают: *имидж* политика, большой *бизнес*, *киллеры*, *путаны*, *наркокурьеры*...

Слушаю радио:

— *Вот что рассказал нашему корреспонденту автор нового римейка;*

— *В США прошли праймериз, показавшие значительный дисбаланс в рейтинге кандидатов...*

Диктор телевидения сообщает:

— *Первые транши были переведены в офшорные зоны;*

— *Пресс-секретарь премьер-министра информировал собравшихся о перспективах в сфере инвестиционной политики государства;*

— *Дилеры прогнозируют дальнейшее падение котировок этих акций...*

Что за напасть? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации — на страницах газет, в радио- и телеэфире? В последние два десятилетия поток иноязычных, главным образом английских, заимствований усилился, и один из известных русистов назвал его даже не потоком, а потоком [Костомаров 1993]. Общественность не на шутку обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка.

Попробуем разобраться в том, насколько «законны» многие новейшие заимствования, нельзя ли найти им соответству-

ющие русские замены. Да и сам процесс иноязычного влияния на наш язык — насколько он естественен и необходим, не перешел ли он в последние годы разумных границ? Или, может быть, сетования на засорение нашего словаря «чужаками» преувеличены?

Для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам — иноязычным словам — носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других — разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в середине прошлого века, когда в пылу борьбы с «низкопоклонством перед Западом» велено было писать и говорить вместо *бульдозер* — *тракторный отвал*, вместо *грейдер* — *струг*, игру футбольных команд стали называть не *матчем*, а *встречей*, радиопередачи об этих встречах надо было называть не *репортажами*, а *рассказами*, и т. д. Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» отметил, что даже сыр *камамбер* был в это время переименован в сыр *закусочный* (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 138–141]).

Бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец XX — начало нынешнего столетия, когда возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

У всех на слуху разнообразные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т. п. Многие из них заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере

того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Многочисленны термины, относящиеся к компьютерной технике — само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., — иноязычные названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсёрфинг*, *скейт-борд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают брешу и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккее всё чаще именуется *овертайм*, игра «на вылет», на выбывание из соревнований одной из двух команд — *плей-офф*, и даже традиционное *боец* в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

И в менее специализированных областях человеческой деятельности происходит активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоу-мен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Так что же — надо оправдать употребление всех этих заимствований, признать их вполне «законными»? При ответе на этот вопрос необходим учет ряда обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу.

Семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу, — одна из причин укоренения заимствования в языке.

В самом деле, не протестуем же мы против употребления слов *паника*, *комфорт*, *рентабельный*, а ведь они некогда были синонимами слов *страх*, *уют*, *доходный*. По мере укоренения этих иноязычных слов в русском языке у них сформировались дополнительные — по сравнению с их русскими лексическими параллелями — смысловые компоненты: *пани-*

ка — это не просто страх, а «крайний, неудержимый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», *комфорт* — «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют», *рентабельный* — «оправдывающий расходы, не убыточный, доходный»¹.

Сходное размежевание «чужого» и «своего» происходит и при освоении новых заимствований. *Имидж* в буквальном переводе с английского означает ‘образ’, но в современном русском языке это слово имеет более сложный смысл: «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чем-нибудь внутреннем и внешнем облике, образе (*имидж политика; имидж телевизионного ведущего*)» [Крысин 1998: 266]; слово *рейтинг* (англ. *rating* от глагола *to rate* ‘оценивать; определять класс, категорию’) первоначально было спортивным термином и обозначало положение спортсмена среди ему подобных, оцениваемое определенным числом баллов, а затем стало употребляться переносно — в значении «степень популярности кого-либо (напр., политика, общественного деятеля), устанавливаемая путем социологического опроса экспертов, голосования и т. п. и определяемая тем местом, которое занимает данное лицо среди ему подобных» [Там же: 597]; *шоу* (англ. *show* ‘представление, зрелище; спектакль’) — в одном из значений это «яркое эстрадное представление», а в другом, переносном — «нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект» [Там же: 800]; см. также с. 58–59 наст. изд.

Другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского — как правило, описательного, состоящего из нескольких слов. Так в русском языке укрепились заимствования *снайпер* — вместо *меткий стрелок*, *сейф* — вместо *несгораемый шкаф*, *спринтер* — вместо *бегун на короткие дистанции*, в том числе и некото-

¹ Определения даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997); далее — СОШ 1997.

рые совсем недавние: *саммит* (англ. *summit* буквально ‘вершина, верх’) — вместо (и наряду с) *встреча в верхах, ремейк* (англ. *remake* ‘переделка’) — вместо *новая версия ранее снятого фильма, киллер* — вместо *профессиональный убийца* и др.

Как видим, иноязычное слово редко дублирует значение русского — в подавляющем большинстве случаев между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-стилистическое: иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель — обычным, общеупотребительным словом. Сравните такие пары, как *бартер* — *обмен*, *дискриминация* — *ограничение (в правах)*, *инвестиция* — *вложение (капитала)*, *консенсус* — *согласие*, *монетарный* — *денежный*, *рента* — *доход*, *ремиссия* — *ослабление (болезни)*, *стагнация* — *застой (в экономике)*, *трансформация* — *преобразование*, *транши* — *доля, часть (платежа)* и т. п.

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов? Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на то, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. В словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) можно найти такие иноязычные слова: *модерантизм* (умеренность в политике), *нивелиатор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотификация* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *экскузация* (отговорка), *эллеферия* (свобода) и другие, которые употреблялись в русском языке XIX века. Сейчас этих слов нет, они исчезли из употребления, хотя в свое время по поводу уместности некоторых из них, необходимости их для русского языка шли жаркие споры.

Подобная судьба ждет и некоторые из нынешних модных американизмов, заимствование которых не оправдано ни се-